

Содержание (Кусочки мозаики)

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

ВСТУПЛЕНИЕ 5

ПЕРВАЯ ПОПРАВКА 11

«Дорогой мистер Маккарти» — Письмо КВ председателю школьного совета города Дрейк, в котором сожгли книгу Воннегута.

«Немыслимый абсурд» — статья КВ для журнала «Нью-Йорк таймс», посвященная запрету его книг школьным комитетом города Айленд-Триз.

«Закон Божий» — речь КВ на благотворительном вечере Американского союза гражданских свобод в Сэндс-Пойнт.

«Дорогой Феликс» — письмо КВ русскому другу о преследованиях писателей в СССР.

КОРНИ 31

«Доклад о предках Курта Воннегута-мл., сочиненный старинным другом его семьи» — академический труд покойного Джона Рауха из Индианаполиса.

КАК Я ПОТЕРЯЛ НЕВИННОСТЬ 83

«Что мне нравилось в Корнелле» — речь КВ в Итаке на ежегодном банкете в честь газеты «Корнелл дейли сан».

«Как я потерял невинность» — эссе КВ для шведской газеты «Афтонбладет».

«Мне стыдно» — выступление КВ в Вашингтоне на марше за ядерное разоружение.

ОТСТОЙ 97

«О литературном стиле» — эссе КВ для кампании поощрения чтения, организованной «Международной бумажной компанией».

**АВТОИНТЕРВЬЮ
(ИНТЕРВЬЮ С САМИМ СОБОЙ)** 108

Ответы КВ на собственные вопросы для журнала «Пэрис ревью».

ЗНАКОМЦЫ 156

«Кому в Америке жить хорошо» — статья КВ для «Политикс тудэй», посвященная Уильяму Ф. Бакли.

«Что-то случилось» — отзыв КВ о втором романе Джозефа Хеллера для «Книжного обозрения “Нью-Йорк таймс”».

«Рокки Грациано американских писателей» — речь КВ на банкете в Актерском клубе в честь Ирвина Шоу.

«Лучшее от Боба и Рэя» — предисловие к сборнику произведений блестящих комиков Боба Эллиота и Рэя Гулдинга.

Джеймс Т. Фаррелл — речь КВ, произнесенная на похоронах Фаррелла в Нью-Йорке.

ДРУЗЬЯ ДЕТСТВА 190

«Лавина Лайон» — прощальные слова, сказанные КВ на похоронах старинной подруги в Лексингтоне.

«Выпуск 1957-го» — песня Дона и Гарольда Ридов из кантри-квартета «Братья Статлер».

«Макаронная фабрика» — речь КВ на открытии новой библиотеки в Университете Коннектикута.

МАРК ТВЕН 214

«Марк Твен» — речь КВ на столетии со дня постройки очаровательного дома Марка Твена в Хартфорде, штат Коннектикут.

ПИСЬМЕННЫЕ ШУТКИ 222

«Как устроены шутки» — напутствие КВ выпускникам колледжа во Фридонии.

СТЫД. 236

РЕЛИГИЯ. 243

«Не надо скорбеть» — речь, написанная прапрадедом КВ, Клеменсом Воннегутом, для чтения на его похоронах.

«Размышления атеиста» — напутствие КВ выпускникам колледжа Хобарта и Уильяма Смитов.

«Уильям Эллери Ченнинг» — речь КВ на двухсотлетию со дня рождения великого унитарийского священника, церковь Первого прихода.

НЕПРИСТОЙНОСТЬ 278

«Большая космическая е..я» — рассказ КВ.

ДЕТИ..... 298

«Страх и ненависть в Морристауне,
Нью-Джерси» — речь КВ на собрании
Ассоциации психического здоровья штата
Нью-Джерси.

«Дорогой мистер Х.» — письмо официантки
Нанетт Воннегут недовольному посетителю
ресторана.

НЕПОНЯТЫЙ

ДЖОНАТАН СВИФТ 322

«Джонатан Свифт» — забракованное предис-
ловие к новому изданию «Путешествий
Гулливера».

ДЖЕКИЛЛ И ХАЙД

НА НОВЫЙ ЛАД 328

«Профессор химии» — музыкальная комедия
по мотивам «Доктора Джекилла и мистера Хайда»
Роберта Льюиса Стивенсона.

ПОКЛОННИК НАЦИСТОВ,

ОПРАВДАНЫЙ В УБЫТОК..... 364

«Луи-Фердинанд Селин» — предисловие КВ
к трем последним романам противоречивого
французского писателя.

НАЦИСТСКИЙ ГОРОД, ОПЛАКАННЫЙ
С ПРИБЫЛЬЮ 375

«Снова о Дрездене» — предисловие к новому
изданию «Бойни номер пять».

СЕКСУАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 378

«Цветы на стене» — песня Лью Девитта
из группы «Братья Статлер».

В СТОЛИЦЕ МИРА. 396

«Вербное воскресенье» — проповедь,
прочитанная КВ в церкви Святого Климента,
что в Нью-Йорке.

*Моим родственникам из рода Сен-Андре,
где бы они ни жили.
Кому достался замок?*

ПЕРВАЯ ПОПРАВКА

Я принадлежу к последнему, как мне кажется, заметному поколению профессиональных, целиком посвятивших жизнь своему ремеслу американских романистов. Мы все в чем-то похожи. Великая депрессия сделала нас едкими и наблюдательными. Вторая мировая нанизала нас, и мужчин, и женщин, воевавших и оставшихся в тылу, на единую натянутую струну. Последовавшая эра романтической анархии в литературе дала нам деньги и каких-никаких учителей в пору нашей юности — когда мы только постигали ремесло. Печатное слово в ту пору в Америке еще оставалось главным способом записи и передачи мыслей на большие расстояния. Но это в прошлом, как и наша молодость.

В прошлое ушли и толпы издателей, редакторов и агентов, готовых поощрять деньгами и советом молодых писателей, рождающих такую же корявую прозу, как мои сверстники в те далекие годы.

Это было веселое и полезное время для писателей — сотен писателей.

Телевидение уничтожило рассказ как жанр, и теперь в книгоиздательстве верховодят счетоводы и бизнес-аналитики. Им кажется, что деньги, потраченные на издание чьего-то первого романа, потрачены зря. Они правы. Как правило.

Так вот, повторяюсь — я, видимо, принадлежу к последнему поколению американских романистов. Теперь романисты будут появляться поодиночке, а не плеядами, будут писать один-два романа и забрасывать это дело. Многие из них получают деньги по наследству или вступив в брак.

Самым влиятельным из моего круга, по моему, является Дж. Д. Сэлинджер, несмотря на его многолетнее молчание. Самым многообещающим был Эдвард Льюис Уоллент, который ушел от нас слишком рано. И я подозреваю, что смерть Джеймса Джонса два года назад — он-то уже был немолод, практически мой ровесник — придала этой книге отчетливый осенний привкус. Были, конечно, и другие напоминания о собственной бренности, можете мне поверить, но смерть Джонса прозвучала громче всех. Может, потому, что я часто вижу с его вдовой, Глорией, и потому, что он, как и я, был уроженцем Среднего Запада и, как я, стал участником нашего главного приключения — Второй мировой войны — в качестве призывника. Заметьте, что, когда самые известные авторы моего литературного поколе-

ния писали про войну, они почти единодушно презирали офицеров и делали героями полуобразованных, агрессивно-простонародных призывников.

Джеймс Джонс как-то рассказал мне, что издательство Скрибнера, печатавшее еще и Эрнеста Хемингуэя, захотело свести их вместе, чтобы два старых вояки поболтали о том о сем.

Джонс отказался. По его словам, он не считал Хемингуэя солдатом. Во время войны Хемингуэй мог приезжать на фронт и уезжать, когда ему вздумается, мог наслаждаться вкусной едой, женским обществом и так далее. Настоящим же солдатам приходилось находиться где приказано, идти куда приказано, есть помои и терпеть попытки противника прикончить их всяческими неприятными способами день за днем, неделя за неделей.

Наверное, самое замечательное в писателях моего поколения — возможность говорить абсолютно все без опаски или страха наказания. Наши американские потомки могут не поверить, как не верит большинство иностранцев, что какая-нибудь страна может принять закон, который звучит, скорее, как мечта, и гласит:

«Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению какой-либо религии или запрещающего свободное исповедание оной, либо ограничивающего свободу слова или печати, либо право народа мирно собираться

и обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб»¹.

Разве может народ такой страны растить детей иначе как в духе соблюдения приличий и взаимоуважения? Это совершенно невозможно. Данный закон, несомненно, должен быть отменен ради блага детей.

И даже сейчас мои книги за компанию с произведениями Бернарда Маламада, Джеймса Дики, Джозефа Хеллера и многих других подлинных патриотов регулярно вышвыривают из школьных библиотек решениями школьных советов, члены которых часто говорят, что сами-то книг не читали, но знают из достоверных источников, что книги-де вредны для детей.

Мой роман «Бойня номер пять» даже был сожжен в печи уборщиком школы в городе Дрейк, штат Северная Дакота. Так постановил школьный комитет, и школьный совет сделал публичное заявление о ее «непристойности». Даже по стандартам викторианской Англии единственной нецензурной фразой во всем романе была:

— Убирайся с дороги, тупой долбоеб!

Американский артиллерист крикнул это другому американцу — безоружному помощнику капеллана во время Арденнской операции в декабре 1944 года, которая обернулась крупнейшим по-

¹ Первая поправка к Конституции США. — *Здесь и далее примеч. пер.*

ражением американских войск за всю историю (не считая Гражданской войны). Помощник капеллана вышел из укрытия и попал под вражеский огонь.

Поэтому 16 ноября 1973 года я написал Чарльзу Маккарти, в Дрейк, штат Северная Дакота, следующее письмо:

«Дорогой мистер Маккарти!

Пишу Вам как к председателю школьного совета города Дрейк. Я один из тех американских писателей, книги которых были уничтожены в ставшей уже знаменитой топке Вашей школы.

Некоторые жители Вашего города предположили, что мои произведения вредны. Для меня это непростительное оскорбление. Новости из Дрейка говорят мне, что книги и писатели не кажутся вам реалистичными. Я пишу это письмо, чтобы дать Вам понять, насколько я реалистичен.

Хочу Вам сообщить, что ни я, ни мой издатель никоим образом не пытались воспользоваться отворотительными новостями из Дрейка. Мы не потирали руки, пересчитывая деньги, которые сможем выручить благодаря такой рекламе. Мы отказались от приглашений на телевидение, не писали полных ярости писем редакторам газет, не давали пространных интервью. Нам противно, грустно и обидно. Я не собираюсь отсылать копии этого письма кому-то еще. У Вас в руках единственный экземпляр. Это мое личное письмо жителям Дрейка, которые выставили меня в дур-

ном свете в глазах своих детей и всего мира. Хватит ли у Вас мужества и элементарной порядочности показать это письмо остальным, или оно тоже отправится в пекло вашего отопительного котла?

Насколько я понял из газет и теленовостей, Вы считаете меня и некоторых других писателей какими-то крысами, которым нравится зарабатывать деньги, отравляя умы молодежи. На самом деле я крупный, сильный мужчина, мне пятьдесят один, в детстве я много работал на ферме, умею мастерить и обращаться с инструментом. Я вырастил шестерых детей, трех родных и трех приемных. Все они выросли прекрасными людьми. Двое из шести стали фермерами. Я бывший пехотинец, ветеран Второй мировой, награжден медалью «Пурпурное сердце». Все, что у меня есть, я заработал нелегким трудом. Меня никогда не арестовывали и не судили. Мне доверяли молодежь, и молодежь мне доверяла — я преподавал в Университете Айовы, в Гарварде и в нью-йоркском Сити-Колледже. Каждый год я получаю не меньше дюжины приглашений произнести речь на выпускных торжествах в различных школах и колледжах. Мои книги, возможно, встречаются в школах чаще, чем произведения любого другого ныне здравствующего американского писателя.

Если бы Вы потрудились прочесть мои книги, как подобает образованному человеку, то узнали

бы, что они не содержат распущенности, не пропагандируют каких-то диких поступков. Они просят людей быть добрее и ответственнее. Да, речь некоторых моих героев грубовата. Но ведь так и говорят реальные люди, особенно солдаты и работяги, и даже самые домашние дети знают об этом. И все мы знаем, что подобные слова не вредят детям. Они не вредили нам в молодости. По-настоящему людей калечат злоба и ложь.

После всего сказанного, я уверен, Вы все еще готовы ответить: «Да, да, но нам все же доверено право и обязанность решать, какие книги наши дети будут читать в нашей школе». Это правда. Но другая правда заключается в том, что если Вы воспользуетесь этим правом невежественно, нелепо, не по-американски, то люди могут посчитать Вас негодным гражданином и глупцом. И Ваши собственные дети могут Вас так назвать.

Я прочел в газете, что жители Вашего городка озадачены реакцией, которую вызвал Ваш поступок по всей стране. Что ж, Вы теперь знаете, что Дрейк — часть американской цивилизации и что остальные американцы не станут терпеть Ваше дикое поведение. Возможно, Вы также поймете, что книги священны для всякого свободного человека не просто так и что мы воевали со странами, которые ненавидели книги и сжигали их на костре. Как американец, Вы обязаны способствовать свободному обращению всех идей, а не только Ваших собственных.